Неистовый Виссарион

За благородную страстность и прямоту в отстаивании своих взглядов и убеждений, за неустанные и напряженные поиски истины, за гневную нетерпимость ко всякой фальши, неправде, злу друзья прозвали молодого Виссариона Белинского «неистовым Виссарионом». Сам Белинский охотно принял это прозвище как боевое имя. «Я—в мире боец», — заявлял он. «Это был сильный боец!.. могучая гладиаторская натура», «...это был... трибун»,—согласно свидетельствовали о нем такие разные люди, как Герцен и Гончаров.

Сохранился характерный рассказ, в котором необыкновенно ярко проявились и задушевнейшие убеждения Белинского, и вся страстная «неистовость» его боевого темперамента. Как-то во время великого поста Белинский зашел пообедать к одному из знакомых литераторов: «...подают постные блюда. «Давно ли, — спрашивает он, вы сделались так богомольны?» — «Мы едим, — отвечает литератор, — постное просто на просто для людей». («Людьми» называли тогда крепостную прислугу.—**Д. Б.**). «Для людей? — спросил Белинский и побледнел. Для людей!?» — повторил он и бросил свое место. «Где ваши люди? Я им скажу, что они обмануты; всякий открытый порок лучше и человечественнее этого презрения к слабому и необразованному, этого лицемерия, поддерживающего невежество. И вы думаете, что вы свободные люди? На одну вас доску со всеми царями, попами и плантаторами! Прощайте, я не ем постного для поучения, у меня нет **людей!**»

Да, у сына бедного полкового лекаря, разночинца, «плебея», как он сам с гордостью себя называл, не было крепостных людей. С гневом и яростью обрушивался он и на самое «право» владения людьми.

Не случайно первой же пробой пера студента Белинского была драма «Дмитрий Калинин», в которой «со всем жаром сердца, пламенеющего любовью к истине, со всем негодованием души, ненавидящей несправедливость», ополчился он против крепостничества.

Многое в драме Белинского было юношески незрело, наивно, романтично, но в ней громко зазвучал тот же голос, который лет за сорок до того раздался в знаменитом «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, который продолжал звучать «вслед Радищеву» в «вольных стихах» Пушкина. Не удивительно, что пьеса Белинского заставила негодовать и ужасаться университетское начальство. Реакционные заправилы университета грозили Белинскому каторгой и Сибирью, а затем поспешили избавиться от «крамольного» автора «Дмитрия Калинина», уволив его из числа студентов. Антикрепостническая пьеса Белинского и антикрепостническое «Письмо к Гоголю», которое было написано на пороге смерти и в котором с громовой силой отразились «настроения крепостных крестьян против крепостного права» (Ленин), явились как бы прологом и эпилогом всей общественно-литературной деятельности великого бойца и трибуна.

Страстная любовь к литературе, художественному слову проявилась у Белинского с самых ранних лет. Однако литературу Белинский ценил не только за эстетическую усладу чувств. Литература была для него ярким и прекрасным выражением лучших сторон духовной жизни народа и, вместе с тем, великой трибуной — мощным средством воздействия на общественное сознание, могучим рычагом освободительного движения.

В пору николаевской реакции значение этой трибуны особенно возрастало. «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение...»,— восклицал Белинский.

Велика была и роль литературной критики, призванной раз'яснять значение и ценность произведений художественной литературы, именно с точки зрения отражения ею народной жизни, ее служения народным интересам. Такой критики у нас не было до Белинского, и такую критику Белинский создал.

«Будь чем хочешь — хоть журналистом, хоть альманашником — все будет хорошо, только будь посмирнее», — уговаривал Белинского один из его друзей, Станкевич. Но «быть посмирнее» неистовый Виссарион и не мог, и не хотел. В дело своей жизни — литературную критику — он полностью внес всю свою «натуру бойца», весь свой пламенный и гневный темперамент «трибуна».

Литературная деятельность Белинского протекала в исключительно неблагоприятных условиях. Он в буквальном смысле этого слова сгорал за срочной журнальной работой, которой заваливал его издатель «Отечественных записок» Краевский, плативший, к тому же, гроши. На этой почве и развилась смертельная болезнь — чахотка, которая безвременно, в возрасте менее сорока лет, свела в могилу Белинского.

Герцен составил зловещий список писателей — жертв самодержавно-крепостнического строя. Этот «кровавый синодик» открывается именем повешенного Рылеева. А о Белинском там сказано коротко и страшно: «Убит... голодом и нищетой». Белинский и сам сознавал, что работа у эксплоататора Краевского убивает его, но он слишком дорожил возможностью говорить во всеуслышание со страниц журнала, которому статьи Белинского создали небывалую до того популярность.

«Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок»... Литературе расейской моя жизнь и моя кровь», — говаривал он друзьям. Поистине кровью сердца написано почти все, что выходило из-под пера Белинского. В этом и заключается огромная заражающая сила, необыкновенное подкупающее действие его статей.

Замечательные качества критика-бойца, критика-трибуна необычайно ярко сказались уже в первой же большой критической статье Белинского, его знаменитых «Литературных мечтаниях» 1834 г. Такого звонко-молодого, страстного, искреннего голоса не слышно было до тех пор в нашей критике. В то же время эта статья о литературе прозвучала, как проповедь, как пламенный призыв, который должен был особенно сильно отозваться в сердцах современников в страшные годы реакции. Проповедь эта была еще облечена в несколько отвлеченные формы, в ней сказывался еще непреодоленный философский идеализм, но в ее тоне, в самых ее интонациях явственно ощущается автор «Дмитрия Калинина»: «Гордись, гордись, человек, своим высоким назначением. Жизнь есть действование, а действование есть борьба».

«Действованием» и «борьбой» «для блага ближнего, родины» была вся деятельность великого критика. Для того, чтобы наиболее успешно бороться в это «страшное время» с торжествующим самодержавием и крепостничеством, Белинскому необходимо было проделать сложный, порой прямо мучительный процесс выработки, «выстрадывания» передового философского и общественного миросозерцания, передовой революционной теории.

Открыто проповедывать свои революционные взгляды и убеждения Белинский не мог. При всей своей пламенной любви к художественной литературе Белинский неоднократно с горечью ощущал узость поля, на котором ему приходилось бороться с социальным и политическим злом. Это чутко подметил Чернышевский: «Он (Белинский.— **Д. Б.**) чувствует, что границы литературных вопросов тесны... ему нужна жизнь, а не толки о достоинствах поэм Пушкина или недостатках повестей Марлинского и Полевого».

Однако вся несравненная сила критики Белинского заключалась в том, что и в своих статьях о литературе он умел, несмотря на все рогатки царской цензуры, говорить о том, что накипело в душе, ставить и решать многие и многие наболевшие общественно-политические вопросы современности. Да и само ниспровержение Белинским ложных литературных авторитетов, яростное изничтожение им всего реакционного, безидейного, пошлого в литературе, что махровым пустоцветом расцветало в условиях николаевской реакции, было формой борьбы и против этой реакции. Такой же формой борьбы была и страстная пропаганда Белинским национальных гениев — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, произведений молодых писателей «натуральной школы».

Неукротимо боевой, революционный дух, которым проникнуты литературно-критические статьи Белинского, чувствовали и его друзья, и его враги. «Белинский был не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, бунтовал в журналах», — писал один из его многочисленных политических недругов.

Со всей силой и страстью бунтарское существо деятельности Белинского прорвалось в его «Письме к Гоголю». Белинский относился с безграничным энтузиазмом к творчеству автора «Ревизора» и «Мертвых душ», выносившего грозный обвинительный приговор гнусному самодержавно-крепостническому строю. «Я люблю вас со всею страстью, с какою человек, кровно связанный с своей страною, может любить ее надежду, честь, славу, одного из великих вождей ее на пути сознания, развития, прогресса», — писал он Гоголю. Но, когда, отрекаясь от своего прежнего творчества, Гоголь выступил с реакционной «Перепиской с друзьями», страстная любовь Белинского сменилась столь же жгучей ненавистью.

Это письмо явилось ярчайшей вспышкой того революционного пламени, которого был исполнен огненный дух «неистового Виссариона».

Д. БЛАГОЙ.

Пламенный трибун

О знаменитом «Письме к Гоголю» В. И. Ленин сказал, что оно подводит «итог литературной деятельности Белинского». Герцен назвал это письмо «завещанием» Белинского.

Белинский писал свой пламенный памфлет против Гоголя меньше чем за год до своей смерти: в июле 1847 года, находясь за границей в немецком городке-курорте Зальцбрунне. Он был тяжко болен, устал, лечился. Он уже напечатал в «Современнике» осуждающую, резкую статью о книге Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Но гнев не остыл. Цензура не дала возможности сказать полностью и со всей откровенностью то, что теснилось в мыслях и накипело в душе.

Пришло письмо от Гоголя. Пряча под маской смирения свое раздражение, писатель обличал Белинского в нетерпимости, в пристрастии... Нетерпимость! Белинский ставил себе в заслугу нетерпимость к реакции во всех и всяких ее видах. Незадолго до этого, в феврале 1847 года, он страстно обрушился на одного своего слишком «терпимого» друга, на Боткина, именно за то, что тот исключал «нетерпимость из числа великих благородных источников силы и достоинства человеческого».

Ответное письмо Гоголя взволновало Белинского, с новой силой возбудило в нем негодование против всего, что он считал злом для России, враждебным для развития своего народа. Он забыл о том, что находится на лечении, что предписан ему врачами определенный режим. Царская цензура не стояла за его спиной, не ловила каждое его неосторожное слово. Он дал волю своему перу. Впервые он говорил совершенно свободно, досказывая до конца свои мысли.

Нам близка и дорога идейная нетерпимость Белинского. Мы называем ее принципиальностью, партийностью. Она исключает оппортунизм, соглашательство, поблажки врагу, идейному противнику. Это— принципиальность революционера-демократа. Белинского не остановил ни на минуту высокий художественный авторитет гениального русского писателя. Он не дал увлечь себя чувству любви к Гоголю, как автору «Ревизора» и «Мертвых душ», значение которых он же, Белинский, первый истолковал русскому читателю. Гоголь стал слугой царского самодержавия, Гоголь выступил с оправданием крепостничества, с восхвалением церкви, которая верно служит царям,— и ничем нельзя смягчить вину писателя перед народом, нет для него оправдания... «Проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия...»—эти слова клеймили измену писателя своему народу.

Белинский обращался непосредственно к Гоголю, но его памфлет, неслыханный дотоле по своей силе, был направлен против всего феодально-крепостнического строя, против царизма, против литературной, философской, политической реакции.

Белинский говорил: «Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть». С внешней стороны — это требование реформ. Но царское правительство с полным основанием приняло письмо Белинского к Гоголю как документ, проникнутый духом революции, как угрозу крестьянским восстанием.

Царь Николай I дал свою политическую оценку письму Белинского. За чтение его—только за чтение!—в кружке петрашевцев Достоевский был приговорен к смертной казни, которая впоследствии была заменена каторгой. Памфлет Белинского бил не только по крепостному праву,— он разил силой революционного слова всякий общественный строй, при котором трудящиеся закрепощены и их человеческое достоинство унижено. Уже и крепостное право было формально отменено, и помещичий строй был расшатан в своих основаниях, а письмо Белинского к Гоголю оставалось вплоть до 1905 года нелегальным революционным произведением.

В этом письме Белинский раскрывается полностью как революционный демократ и как материалист-революционер, непримиримый и нетерпимый враг всякой мистики и мракобесия, всякого угнетения и произвола.

В. И. Ленин в 1914 году говорил о письме к Гоголю, что оно сохраняет «громадное, живое значение и по сию пору». Конечно, относятся эти ленинские слова не только к данному, отдельному письму. Представляя собой «итог» деятельности Белинского, оно заключает в себе главное, что есть в его важнейших произведениях.

В частности, письмо к Гоголю было написано вскоре после появления в печати известной и тоже знаменательной статьи «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Она также представляет собой своего рода завещание Белинского и адресована через головы его современников нашей эпохе.

В этой статье Белинский повторяет излюбленную свою мысль о великом будущем русского народа, о передовом его месте среди народов мира. Белинский борется на два фронта: с врагами прогресса, демократии, науки, с защитниками попятного движения и застоя,— и в их числе со славянофилами,— с одной стороны; с адвокатами западноевропейской буржуазной культуры, подражателями-космополитами, проповедниками низкопоклонства перед иностранщиной, — с другой стороны.

Белинский—горячий и убежденный сторонник европеизации старой, дворянско-помещичьей, царской России. Он не видит иного пути для развития русского народа, хотя бы и пришлось пройти через временное господство буржуазии, которую Белинский страстно и горячо ненавидел. Но это не значит, что русский народ должен рабски копировать западные образцы. Нет, в общем движении народов вперед великий русский народ прокладывает свои собственные пути. Он не идет по пятам за другими народами, а может сам указывать им дорогу в будущее. Белинский писал: «Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль, но какое это слово, какая мысль,— об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания; потому что это слово, эта мысль будет сказана ими...».

Белинский резко критически относился к «западникам», которые рабски перенимали западноевропейские образцы и повторяли чужие слова, преклоняясь слепо перед иностранными авторитетами.

Белинский писал против буржуазных либералов, против радикальных космополитов, которых он называл «беспачпортными бродягами в человечестве»: «...пора нам перестать восхищаться европейским потому только, что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно **человеческое**, и на этом основании, все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого».

Произведения Белинского сохранили свое живое значение на протяжении всех ста лет, истекших со дня его смерти, и на протяжении всего столетия враги демократии, социализма, рабочего класса вели ожесточенную борьбу против Белинского. В русской революционно-демократической публицистике Белинский был знаменем материалистической философии, крестьянской революции, передовой науки. За Белинского вели бой Чернышевский и Добролюбов. Против Белинского, как представителя материалистической идеологии в философии и эстетике, выступали пропагандисты идеализма и символизма в русской литературе 90-х годов — Волынский и Иванов. Свой поход против демократии и революции после 1905 года ренегаты, об'единенные «Вехами», начали с попытки развенчать Белинского. Ленин, большевики разоблачили господ Струве, Булгакова, Изгоева и иных лакеев реакционной буржуазии. Произведения Белинского и самая его личность, личность борца-революционера, всегда служили народу.

Они служат ему и теперь, в наши дни, когда исполнилось пророчество Белинского и великий русский народ, «кроме победоносного русского меча», положил «на весы европейской жизни еще и русскую мысль»; когда литературно-политические внуки и правнуки Белинского сказали миру свое слово, свою мысль, воплощенные в творениях Ленина и Сталина; когда реальностью стал тот общественный строй, который лишь смутным видением вставал перед умственным взором Белинского.

Из богатого духовного арсенала, оставленного нам великим борцом, пламенным публицистом-трибуном, мы берем и сейчас острое оружие против реакционного идеализма и мистики, справляющих свои дикие оргии в странах капиталистического Запада. Мы воспитываем нашу молодежь на образцах идейной непримиримости к врагам демократии,— этими образцами полны статьи Белинского. По этим статьям мы учимся и учим тому, что есть подлинный патриотизм, революционно-демократический для прошлого времени, советский — для нашего,— между ними прочная связь и историческая преемственность. Белинскому было противно всякое проявление низкопоклонства перед иностранщиной, как оно противно и нам.

Белинского называл своим учителем его современник Некрасов. Белинский был учителем для Чернышевского и Добролюбова. Он остается учителем и для советской литературы. Он учил писателей быть верными сынами своего народа, любить народ и верить в его силы,— откликаться своим творчеством на все волнующие вопросы современной им общественной жизни. Он учил правде в искусстве, той правде, которая служит народу,— а эта правда входит составной частью в советское учение о социалистическом реализме.

Д. ЗАСЛАВСКИЙ.

Великий мыслитель

На протяжении целого столетия шла ожесточенная борьба за идейное наследие Белинского, за традиции, воплощенные в его творениях. История давно решила этот вопрос, заявив устами вождей большевистской партии — Ленина и Сталина, что идейное наследство великого революционного мыслителя принадлежит революционному пролетариату и народным массам России, им и только им.

Белинский сыграл выдающуюся роль в освободительном движении России. Он оставил глубокий след в истории развития русской прогрессивной культуры, поднял национальное самосознание русского народа на огромную высоту. Он явился одним из основоположников классической русской философии XIX века и родоначальником классической русской эстетики — эстетики критического реализма. Его революционными демократическими и социалистическими идеями вдохновлялись русская литература, русское искусство. Революционеры-«шестидесятники» с гордостью называли Белинского своим учителем и воспитателем.

Великий Ленин заявлял, что Белинский является одним из предшественников российской социал-демократии. Имя Белинского великий Сталин назвал в ряду имен лучших сынов великого русского народа.

* * *

В лице Белинского и Герцена прогрессивная Россия 30—40-х годов вышла в авангард философского развития домарксовского периода, пройдя путь, который за гораздо более продолжительное время прошли, вместе взятые, три таких страны Европы, как Франция, Англия и Германия. Передовые русские мыслители в беззаветных поисках революционной теории и научного миросозерцания взяли на себя труд синтезирования всего лучшего, что имелось в развитии русской и мировой философской и политической мысли, и создания единого, органически слитного мировоззрения, способного служить делу обоснования прогрессивных общественных преобразований.

Как философ-материалист Белинский сформировался в 40-е годы XIX века. До этого времени его взгляды на окружающий мир были идеалистическими. Окружающий человека мир Белинский истолковывал как проявление некоей вечной, над миром стоящей, абсолютной идеи, предопределяющей заранее судьбу народов. В области политики он был демократом-просветителем, лелеявшим надежду на то, что путем нравственного усовершенствования личности можно перестроить общественную жизнь России на новых, разумных и справедливых началах.

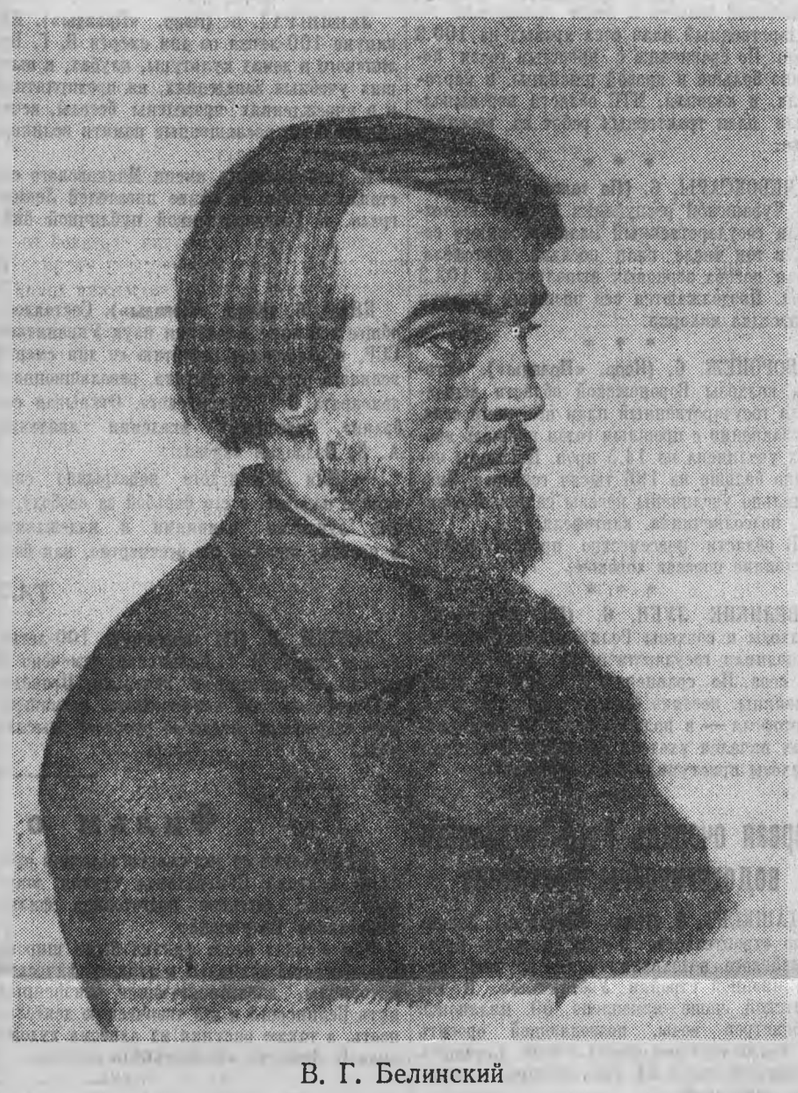
Идеологи русского контрреволюционного либерализма и их эсеровско-меньшевистские союзники пытались представить Белинского, как покорного выученика и последователя западноевропейских мыслителей. Так была сочинена версия о том, что философская эволюция Белинского была переходом от Шеллинга к Фихте, от Фихте к Гегелю, от Гегеля к Фейербаху и Огюсту Конту. Раболепствуя перед Западом и его культурой, они с злорадством писали о «неустойчивости», «шаткости», «нетвердости» убеждений Белинского.

В действительности же Белинский, никогда не удовлетворявшийся положительным содержанием любых философских систем, шел только вперед и вперед, от идеализма к материализму и формировался как философ, преодолевая, критикуя, ведя борьбу с немецкими и иными идеалистическими философскими системами.

В действительности Белинский при выработке своего мировоззрения учитывал прежде всего потребности общественного развития России и опирался на теоретический и практический опыт своей страны. В системе его твердых убеждений нельзя не видеть мощного влияния основоположника русской науки Ломоносова, революционного просветителя Радищева, чудо-богатырей-декабристов, гениального русского материалиста Герцена и всей свободолюбивой предшествующей и современной ему русской литературы.

Всю порочность, антинаучность и реакционность идеалистического миропонимания Белинский испытал на себе, когда он в конце 30-х годов совершил серьезную теоретическую ошибку, пойдя под влиянием гегелевской идеалистической философии на временное примирение с тогдашней гнусной российской крепостнической действительностью.

Но по мере того как в конце 30-х и в начале 40-х годов развертывалось освободительное движение в России и на Западе, усиливалась стихийная борьба крепостных крестьян против помещиков и в общественное движение все шире и шире стали вовлекаться разночинные революционеры, Белинский решительно и безоговорочно исправляет свою ошибку и начинает переходить на позиции революционного демократизма и утопического социализма. «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью!.. Да здравствует разум, да скроется тьма!» — писал Белинский Боткину в октябре 1840 года (Письма, т. II, стр. 163).



В. Г. Белинский

Глубоко осознав серьезность допущенных ошибок, Белинский высоко поднял знамя борьбы против самодержавно-крепостнического режима, вновь почувствовал себя сильным бойцом в защите интересов угнетенных народных масс. «Нет, пока рука держит перо, пока в душе еще не остыли ни благородное негодование, ни горячая любовь к истине и благу, — не прятаться, а итти навстречу этой гнусной действительности буду я» (Письма, т. II, стр. 81).

Обобщая опыт классово-сословной борьбы не только России, но и Запада, Белинский все более и более становился не только революционным демократом, но и социалистом. Хотя социализм Белинского не был и не мог быть научным в то время, но он органически сливался в его мировоззрении с революционным демократизмом и патриотизмом и весьма благотворно отразился на дальнейшей эволюции философских взглядов Белинского.

Переход Белинского к революционному демократизму и утопическому социализму означал начало его разрыва с идеалистическим миросозерцанием. Постепенный переход Белинского от идеализма к материализму завершился в середине 40-х годов выработкой революционно-демократического материалистического миросозерцания.

Разрыв Белинского с его прежней «философской совестью» сопровождался резкой критикой всех форм идеализма, и в особенности тех, которые имели наиболее широкое распространение в России 30—40-х годов. Никто так резко не осудил Шеллинга за его философию мракобесия еще тогда, когда Шеллинг только что начал читать лекции в Берлинском университете, как это сделал Белинский. Подобно молодому Энгельсу, слушавшему лекции Шеллинга и выступившему против него с памфлетом, Белинский считал величайшим позором для науки пропаганду Шеллингом с философской кафедры религиозного мракобесия и фатализма. Отступление Шеллинга от натурфилософии Белинский назвал изуверством. Именно в связи с этим Белинский в 1845 году предупреждал русских ученых: больше всего надо беречься мистицизма в науке, так как мистицизм, внесенный в науку, заставляет признавать бывшим и сущим то, чего не было и нет.

Одновременно Белинский наносил удары и по «святоотеческой» философии славянофилов (Киреевский, Хомяков, Самарин и др.), являвшихся активными приверженцами Шеллинга в России и пытавшихся, исходя из его философии, повернуть развитие России вспять, к временам допетровской Руси.

Белинский высоко ценил положительные стороны философии Гегеля, он знал ее так, как мало кто знал ее в самой Германии. Но после того, когда при проверке этой философии в ходе практики действительной жизни все ее догмы потерпели крах, Белинский решительно рвет с этой философией. «Я давно уже подозревал, что философия Гегеля — только момент, хотя и великий, но что абсолютность ее результатов ни к... не годится, что лучше умереть, чем помириться с ними... он из явлений жизни сделал тени, сцепившиеся костяными руками и пляшущие на воздухе, над кладбищем» (Письма, т. II, стр. 212—213).

Еще будучи идеалистом, Белинский разоблачал Гегеля за барско-пренебрежительное отношение к народным массам и за реакционнейшие политические взгляды. Политический идеал Гегеля — прусскую конституционную монархию — Белинский назвал гнусным.

Серьезную помощь в становлении на позиции философского материализма оказал Белинскому его друг А. И. Герцен, ранее Белинского ставший материалистом. К 1842—1844 гг. относится и знакомство Белинского с философией Фейербаха, а также с ранними работами Маркса. Эти работы еще более убеждали Белинского в научной обоснованности материализма и атеизма.

С огромной силой прозвучали на всю мыслящую Россию утверждения материалиста Белинского о том, что мир является природой, вечно существующей и не нуждающейся для своего об'яснения в привлечении каких-либо сверх'естественных сил и духов; что «духовную природу человека не должно **отделять** от его физической природы, как что-то особенное и независимое от нее, но должно **отличать** от нее, как область анатомии отличают от области физиологии» (Письма, т. III, стр. 175), что «духовное... есть не что иное, как деятельность физического» (там же).

Белинский был сторонником материализма в теории познания и решительным врагом агностицизма и скептицизма. Он был выдающимся диалектиком, стремившимся соединить свою философию не только с наукой, литературой и искусством, но и с революционной политикой. Белинский провозгласил диалектический принцип развития как всеобщий закон существования не только природы, но и человеческого общества. В противоположность Гегелю Белинский доказывал, что «нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: **стой, довольно, больше итти нёкуда!**». Белинский подчеркнул ту мысль, что все «движется диалектически, из низшей ступени переходя на высшую. Этот непреложный закон,—писал он,—мы видим и в природе, и в человеке, и в человечестве» (Соч., т. VIII, стр. 61).

Развитие Белинский трактовал как борьбу нового со старым, как отрицание старого, отживающего новым, развивающимся. Он один из первых русских мыслителей пришел к твердому выводу, что весь окружающий нас мир есть не что иное, как мир вечной борьбы будущего с прошедшим, и что эта борьба в конечном счете всегда завершается победой нового над старым, прогрессивного над реакционным. «Все живое, — писал Белинский в 1845 году, — есть результат борьбы; все, что является и утверждается без борьбы, все то мертво» (Соч., т. IX, стр. 237).

В противоположность Гегелю, принесшему идею отрицания в жертву идее примирения, Белинский провозгласил идею отрицания в развитии общества совершенно закономерной и необходимой, ибо без отрицания старого новым нет жизни и прогресса, а «история человечества превратилась бы в стоячее и вонючее болото» (Письма, т. II, стр. 186).

Диалектика была для Белинского «алгеброй революции». Ставя ее сознательно на службу прогрессивным общественным силам, Белинский вооружал передовых людей России на решительную борьбу против отжившего свой век реакционного самодержавно-крепостнического режима.

Вплотную подойдя к диалектическому материализму в познании ряда важных сторон действительности, Белинский, как и Герцен, остановился перед историческим материализмом.

Будучи выдающимся диалектиком, Белинский высказал ряд гениальных догадок о закономерности исторического процесса, о роли народных масс и личности в истории, о характере буржуазного «равенства» и буржуазных «свобод», о происхождении, сущности и значении искусства и т. д. Но в целом в решении вопроса о развитии общества и законах этого развития Белинский не вышел за пределы идеалистического понимания истории, не стал на позиции исторического материализма. Задача создания подлинной науки об обществе, а равно и науки о наиболее общих законах развития природы была решена лишь великими идеологами пролетариата — Марксом и Энгельсом, Лениным и Сталиным.

* * *

Велико значение наследия, оставленного Белинским. Он отдал всю свою жизнь созданию могучей русской демократической культуры. Он глубоко верил в великое будущее России. Когда профессор Московского университета Ф. Морошкин заявил сто лет тому назад о том, что русские созданы «юристами, а не философами и поэтами», Белинский решительно выступил против этого утверждения: «Мы будем и юристами, и римлянами в юриспруденции, но мы будем и поэтами, и философами, народом артистическим, народом ученым и народом воинственным, народом промышленным, торговым, общественным» (Соч., т. IV, стр. 321).

Белинский верил и предсказывал, что Россия раньше и лучше других стран разрешит социальный вопрос. Его пророчество сбылось.

В. ЕВГРАФОВ.